

Идиоматические единицы с зоо-компонентом в уральских языках: поиски новых путей анализа

А.И. Кузнецова

МГУ

kuzn@kuznec.mecme.ru

econ@philol.msu.ru

Своеобразные выражения, представляющие собой в настоящее время неразложимые словосочетания, значения которых не являются простой суммой значений входящих в словосочетания слов, долгие десятилетия изучались по уровням: идиомы (иначе – фразеологизмы) анализировались с фонетической, морфологической, синтаксической, лексико-семантической точек зрения. На материале фразеологизмов рассматривались синонимы, антонимы; исследовались экспрессивно-стилистические возможности употребления идиом; определялась степень спаянности слов в идиомах (при этом обычно шла речь о фразеологических сращениях, единствах и сочетаниях, по терминологии В.В. Виноградова). Идиомы изучались методами синхронными и (реже) диахронными (этимологическими и собственно историческими). Исторический анализ идиоматической лексики мог быть как чисто лингвистическим, так и экстралингвистическим. При первом сравнивалась лексика разных исторических эпох, если в языке имелись древние памятники письма; при втором учитывались (помимо языковых) сведения культурологического и историко-этнографического характера [Кузнецова 1999б]. Таким образом устанавливалась взаимозависимость экстралингвистических и собственно языковых параметров и выяснялись причины ограничения состава лексики, входящей во фразеологизмы. Начиная с 1950-1960-х гг. стали появляться диссертации и публиковаться теоретические работы (в том числе и в финно-угроведении), в которых анализировались фразеологические единицы с помощью методов, к настоящему времени во многом исчерпавших себя. В последние десятилетия начались поиски новых путей анализа идиоматической лексики.

Прежде всего изменилось отношение к вопросу о составе идиоматической лексики: теперь обычно не проводят резких границ между фразеологизмами и поговорками, присловьями разного рода, эвфемизмами, сентенциями, крылатыми словами и даже терминами, если они являются устойчивыми оборотами. В последние годы идиомы подвергаются анализу с точки зрения проницаемости идиоматического уровня и рождения новых идиом в разных субкультурах.

Наконец, идиомы (в широком понимании этого слова) объединяются в разного рода группы на основании нескольких принципов.

1. Чаще всего идиомы (среди них в большом количестве имеются также поговорки и пословицы) классифицируются по тематическим группам, представляющим собой объединения устойчивых выражений на основе какого-либо конкретного понятия, типа «трудовая деятельность», «характер человека», «здоровье» и т.п. В результате в пределах такого «поля» оказываются самые разные по своему словарному составу

устойчивые сочетания, связанные каким-либо общим понятием – деятельность человека, его характер, социальный статус, родня и т.п.

2. С другой стороны, возможны исследования, ориентированные не на семантику фразеологизма в целом, а на наличие какого-то конкретного компонента с определенным значением (напр., соматический компонент, компонент, означающий флору, фауну, качество чего-либо, размер и т.д.). В этом случае анализу могут подвергаться разнотипные в смысловом отношении фразеологизмы, не имеющие единства в семантическом плане (в отличие от полей первого вида) [Соловар 1999].
3. Однако на практике исследователь, беря за основу определенный компонент фразеологизма, все же ограничивает себя рамками определенной тематической группы. По аналогии с лексико-семантическими полями подобные группы фразеологизмов стали называться *фразеосемантическими* полями. Их выделение по одним признакам (напр., по соматическому компоненту и в применении к человеку) дает возможность устанавливать когнитивную модель человека в его «положительном» и «отрицательном» вариантах, по другим (антиномии 'всё – ничего', 'вечность – мгновение', 'жизнь – смерть') – улавливать национальные черты человека, его менталитет и др. [Телия 1999]. Для анализа некоторых фразеосемантических полей (напр., названия растений [Гребнева 1988]) можно привлекать самые разнообразные признаки; в число компонентов, используемых в идиоматических наименованиях фитонимов, входят слова более чем с 20 признаками: время цветения, место произрастания растений, их функция, форма цветка, окраска, запах, вкус, способ распространения семян, характеристика стебля, качественная и количественная характеристика, национальность, родство, и т.п. Анализ подобных полей позволяет построить «наивную» классификацию растений.

Исследование устойчивых сочетаний всех трех типов (то есть объединенных на основе общей семантики, на основе общего компонента и на основе того и другого) обычно проводится на материале одного языка. Между тем, взяв в качестве опорного слова фразеологизмов какой-то один компонент (напр., соматический или компоненты, обозначающие флору, фауну, названия болезней или эмоций и т.д.) и ограничив материал лексико-семантическим полем, в котором было бы достаточно единиц в виде устойчивых сочетаний, можно проводить *типологическое изучение идиом, объединенных сразу двумя признаками: общей семантикой и определенным компонентом*. Это своего рода 'фразеолексико-семантические' поля. К группам слов такого типа тяготеют прежде всего поля различных научных терминов – устойчивых сочетаний слов (см., напр., анатомическую терминологию коми языка [Ракин 1991, 1996]). Сюда же относятся и так называемые отраслевые группы слов, соответствующие тем или иным областям знания, таким, как народная медицина, календарные названия (особенно в древности) и др.

К отраслевой этнографической лексике относятся *народные названия орнаментов* обско-угорских, самодийских и некоторых других уральских народов, в подавляющем большинстве являющиеся устойчивыми сочетаниями.

Орнаменту, возникшему в эпоху палеолита (о чем свидетельствуют археологические раскопки) предшествовали реалистические изображения. С орнаментом обско-угорских народов связана народная терминология – устойчивые орнаментальные названия, которые показывают взаимосвязь графической формы узора с их словесной формулировкой и с характером изменения конфигурации мотива. Однословные наименования при этом – большая редкость. Анализ хантыйских идиоматических наименований орнаментов дает возможность расшифровать первичные формы орнаментального мотива (узора), иногда стилизованного до неузнаваемости, и раскрыть некоторые аспекты образного мышления этноса. Названия орнаментов [Молданова 1999] демонстрируют остроту наблюдений охотников и рыболовов обских угров, замечающих сходство животного, птицы с узорами и дающих орнаментам соответствующие наименования, напр.: *сорт пенк* «щучьи зубы», *васы ол, нас* «утиный выводок», *васы кур* «утиная нога», *(ай) л, ов унал*, «(маленькой) лошади челюсть», *вен хор онат* «большого хора (=оленя-самца) рога», *ланки (нюхас) пал*, «белки (соболя) уши», *ол, ум лук* «сонный глухарь», *пупиен хэса л, ол*, «медведь стоит на звездах». Среди наименований орнаментальных мотивов много вариаций как на

графическом, так и на словесном уровнях. Хант фиксирует в сознании любое мельчайшее изменение в орнаменте, которое в дальнейшем закрепляется в языке. Название модифицируемого орнамента, которое дают своему рисунку мастерицы (как и сам орнамент), передается из поколения в поколение, превращаясь в устойчивое сочетание: *шовар пал*, «заячьи уши (заяц+уши)», *вен шовар пал*, «большого зайца уши», *(вен) шовар пал*, *кат пелака* «уши зайца на две стороны», *пушан шовар пал*, «двойные (=с подкладкой) заячьи уши», *шовар толан омасты пернаян (вен) шовар пал*, «на заячьих лапах сидящие с крестом (большие) заячьи уши». Если в каком-либо районе проживания хантов тот или иной орнамент не используется, хотя и известен местным жителям, его название обычно угадывается по сходству с бытующими в данной местности орнаментами, но при этом обязательно делается отсылка на район, где такой орнамент употребляется: *ал*, *па касум ёхл*, *ан еман воя тайл*, а «наверное, казымские люди за змею (*еман вой*=вечный+зверь) держат»; *суркут имет вен хор онат* «сургутских женщин большого хора (оленья-быка) рога». На 460 фразеологически связанных названий хантыйских рисунков приходится 58,8% устойчивых сочетаний с компонентами, означающими представителей животного мира. В первую десятку наименований наиболее популярных орнаментов, содержащих зоо-компоненты, вошли названия утки (*васы* 44), соболя (*нюхас* 36), зайца (*шовар* 32), чайки (*сури* 26), зверя / птицы (*вой* 23), оленя (*хор* 20), медведя и лошади (*пупи* / *л*, *ов* по 16), глухаря (*лук* 15), змеи (*еман вой* 9). В целом зоо-компоненты в орнаментальных идиомах хантыйского языка содержат 25 названий животных, птиц, рыб, насекомых, земноводных и пресмыкающихся. Лишним доказательством того факта, что в наименованиях орнаментов мы имеем дело с идиомами, служит включение этих устойчивых сочетаний в учебники по краеведению, по этнографии [Жунтова 1996, Сподина 1995].

Названия узоров, общих для разных хантыйских диалектов Казымского Приобья, имеют аналоги у манси, допускающие при графическом сходстве смысловое соответствие идиомы и частичное совпадение внутренней формы устойчивых сочетаний. Так, хантыйский орнамент 'щучьи зубы' в мансийском получил наименование 'челюсть щуки', хантыйский 'соболя с топором' - мансийский 'безголовый или спящий соболя' и т.д. Полностью совпадают в двух языках графические изображения и названия орнаментов 'заячьи уши, оленье рога, выводок утят, чайки крыло, соболя с головой' и др. Одновременно встречаются и заметные расхождения в названиях абсолютно идентичных узоров:

хант. челюсть (или нос) лошади	манс. копыта лошади
хант. локоть лисы	манс. лисий след
хант. змея ползет, гнездо змеи	манс. змеи голова

В самодийских языках также известны узоры 'заячьи уши, щучьи зубы, пятка собаки' и некоторые др.

Таким образом, отраслевая лексика, относящаяся к названиям узоров, включает в свой состав в основном устойчивые выражения, среди которых преобладает зоо-компонент.

Точно так же наблюдается значительное сходство в старой системе *названий месяцев* самодийских и обско-угорских народов при некотором отличии от наименований месяцев в удмуртском календаре. Это легко объяснимо, в первую очередь, разницей географических условий в местах проживания данных народов. Сравнение названий месяцев, содержащих в своем составе зоонимы, в пяти языках приведено в таблице 1.

Месяцы

Языки

(начиная с января)	Селькупский	Ненецкий	Хантыйский	Мансийский	Удмуртский
Январь		орлиный месяц			
Февраль	<u>сев.</u> вороний месяц; <u>юж.</u> орлиный месяц («На орлиный шаг прибывает день; орлы прилетают»)		орлиный месяц; месяц ленивого ор- ла (<u>вас.</u>)	месяц лени- вого орла («один день летает, дру-гой нет»)	<i>кион сюан</i> вол- ка свадьбасэра <i>толзэ</i> пиявки месяц
Март	<u>сев.</u> орла месяц; <u>юж.</u> бурундука месяц	месяц начала отела оленей	месяц приле- та орла		<i>куака</i> <i>толзэ</i> вороний месяц
Апрель	<u>сев.</u> гуся месяц, бурундука месяц; <u>юж.</u> во- роний месяц, за- поров рыб- ных месяц	вороний месяц	вороний месяц		<i>ош</i> <i>толзэ</i> бычий месяц
Май	<u>сев.</u> месяц щу- чьей и язевойикры; <u>юж.</u> рыб- ный месяц, месяц гусей- уток	месяц отела олений	гусиный месяц, ути- ный месяц		
Июнь	комариный месяц				
Июль	месяц мошки	комариный месяц			
Август	<u>сев.</u> месяц нель- мы, <u>юж.</u> птен- цов гагары месяц, месяц сырка	оводовый месяц			
Сентябрь	<u>юж.</u> муксуний месяц, глуха- риный месяц («глухари са- дятся на песок»)			щокура месяц	
Октябрь		оленьих бы- ков месяц			<i>коньы</i> вуон <i>толзэ</i> месяц прихода белки
Ноябрь	<u>юж.</u> беличий месяц; <u>сев.</u> ме- сяц отпаде- ния рогов олений-сам- цов, бе- личий ме- сяц, сучий месяц	месяц охоты на песцов	охоты на ло- ся месяц		
Декабрь					

-

Примечание к таблице. В таблице приведены только переводы (за исключением удмуртского языка) названий месяцев с зоо-компонентами. Подробнее о календарных названиях [Кузнецова 1976, 1980; Симченко и др. 1993]. Почти каждый месяц в народном календаре может иметь несколько наименований, но в таблице даны лишь названия, связанные с наиболее яркими природными приметами. Выделяемые в народном календаре месяцы не соответствуют принятым наименованиям месяцев у индоевропейцев [Кузнецова 1980: 51-59]. Сокращения: юж. - южные диалекты, сев. - северные диалекты; вас. - васюганский диалект.

Среди общераспространенных *наименований флоры* в финно-угорских языках немало идиом с компонентами-зоонимами: эрз. *туво нар* «подорожник» (свинья+трава); *чейер'ен' гар'кс* «вьюн» (мышь+пояс); *овтонь баяга* «колокольчик» (медведь+ колокол); мокш. *юронь була* «хвощ» (белка+хвост); *сезял корень* «пижма» (глист+корень); удм. *куска пурты* «колокольчик» (ворона+котел); *пуны жильы* «одуванчик» (собака+цепь); *кый боды* «чертополох» (змея+палка); к.-з. *пон жыннян* «колокольчик» (собака+ботало); мар. *меран пылыш* «заячья капуста» (заяц+ухо) и др. [Кузнецова 1999а, Насибуллин 1973, Феоктистов 1983]. В некоторых из приведенных примеров зоо-компонент сопряжен с соматическим, что встречается достаточно часто. Помимо отраслевой терминологии флоры устойчивые сочетания с компонентом, означающим фауну, встречаются *в лексике народной медицины*. Так, в «Мокша-мордовско-русском словаре» И.Г. Черепкина (Саранск 1933) представлены народные названия болезней, в том числе, с орнитологическим компонентом: *саразонь сельме* «куриная слепота» (курица+глаз) [Феоктистов 1983: 277].

Количество работ, в которых идиомы изучаются с типологической точки зрения, непрерывно растет. При типологическом подходе к анализируемому материалу лингвист сталкивается с несколькими факторами (часто экстралингвистического характера), остававшимися ранее в тени. Данные факторы нельзя не учитывать при сопоставлении идиоматических единиц как близко родственных, так и генетически далеких языков. Сравнение идиом в пределах финно-угорских языков позволяет обнаружить, с одной стороны, наличие соответствий в двух или нескольких языках, с другой стороны, отсутствие таковых. Иначе говоря, анализ идиом в языках одной языковой семьи дает возможность устанавливать как изоморфизм, так и алломорфизм фразеологических единиц в языках исследуемой семьи, что затруднительно делать при типологическом исследовании идиом на материале многих сотен языков из генетически разных языковых семей.

При типологическом изучении фразеологизмов необходимо учитывать 1) общий смысл идиомы (ее семантику) в том или ином языке, 2) внутреннюю форму фразеологизма, то есть тот образ (иногда в обобщенном виде), который лежит в основе фразеологизма, 3) конкретный способ выражения фразеологизмов. Нередко встречаются пересечения признаков, используемых в исследовании идиом; параметрический анализ соединяется с иерархическим. Учитывая названные признаки, имеющиеся у каждого фразеологизма, можно получить различные конфигурации соотносимых в анализируемых языках идиом.

.. Смысловое соответствие фразеологизмов в нескольких родственных языках наблюдается а) при полном, б) при частичном совпадении внутренней формы идиом (последнее неминуемо сопровождается расхождениями в способах выражения идиом). Так, удм. *пуны мульы* (иногда оно считается не сочетанием, а сложным словом,) «волчья ягода» буквально означает «собачья ягода», как и к.-п. *пон ягӧд*, параллельно с которым существует в языке и *пон сэтӧр* (собака+смородина).

.. Смысловое соответствие фразеологизмов встречается при полном несоответствии их внутренней формы, что легко объяснимо факторами экстралингвистическими, сходством

общечеловеческих понятий и чувств. Такое явление особенно часто возникает при сравнении языков генетически разных семей, напр., для обозначения мелкого дождя при солнце, после которого обычно хорошо растут грибы, в русск. используют фразеологизм *грибной дождь*, в удм. *гондыр кышно басьтэ* (медведь+жена+берет, то есть медведь женится). Ср. в уральских языках: удм. *чуж юбер* «иволга» (желтый+скворец), мар. *алык орави* «иволга» (луговой+воробей). Если об идиомах в последних двух примерах можно сказать, что внутренняя форма имеет сходство на уровне обобщения ('птица+ее расцветка' или 'птица+место ее пребывания'), то во фразеологизмах, означающих «истощенный, худой (о человеке)», внутренняя форма для языков разных групп уральской семьи (а порою и для одного языка) будет сильно расходиться: удм. *нием коньы кадь* (как ободранная белка), *куасьмем куажы* (высохший коростель), к.-п. *кӧс куропатка* (сухая куропатка), нен. *хӳрнэ' тохованда лэхэртада янгу* (ворону обглодать кости нет), вепс. (ложка костей, вторая грязь).

.. Возможно обратное явление: смысловое несоответствие в родственных языках фразеологизмов с соответствующими им по внутренней форме слов одинаковыми свободными сочетаниями. Такое расхождение в семантике при идентичных компонентах идиом наблюдается достаточно часто: в русском языке выражение *куриная голова* означает глупость, а в удмуртском является символом забывчивости, по-русски *курица-наседка* – символ неумеренной опеки, по-удмуртски – вспыльчивости [Осипов 1994].

Выражения *кошачья жизнь* (то есть жизнь кошек), *кот с пестрыми лапами*, *домашний кот*, *следа мыши* нет в большинстве языков представляют собой свободные сочетания, но в к.-п. *сера кока кань* является фразеологизмом и означает «ухажер» (=кот с пестрыми лапами), а *кань олӧм* «легкая жизнь» (=кошачья жизнь, в противоположность существующему во многих языках устойчивому сочетанию со значением «плохая, тяжелая жизнь», напр., в к.-п. *пон олан* «собачья жизнь»); в мар. *сурт пырыс* «лентяй, лежебока» (=домашний кот), в нен. *пися' нута янгу* «пустынный» (=мышиный след отсутствует).

.. Последний пример можно истолковать и другим способом: фразеологизм (или фразеологизмы) одного или нескольких языков по смыслу могут соответствовать отдельному слову в других языках. Идиомы, встречающиеся лишь в одном из взятых для анализа языков (в данном случае родственных), иногда называют *уникалиями*, а отсутствие в сравниваемом языке соответствующего им по смыслу фразеологизма – *лакуарностью*. Так, в нен. есть фразеологизмы, отсутствующие в других уральских языках: *тёня' тэвӧ сакадангу* «вот-вот расплатится» (=хвост лисы мелькнет. В русском языке наиболее близко ему выражение *глаза на мокром месте*), *пися' нута янгу* «пустынный» (о каком-либо месте), что буквально значит 'мышиный след отсутствует'. Когда люди, заготавливающие дрова, не нашли их, говорят: *поёрта' нява' нэм' сапвы'* (= на дрова заячью ногу срубили).

Казалось бы, общие человеческие понятия могли быть представлены в сходных устойчивых оборотах. Однако в уральских языках нет ни одного общего по смыслу фразеологизма, который был бы свойственен для всех языков семьи или хотя бы для одной языковой группы. Точно так же не встречаются во всех уральских языках фразеологизмы с общей семантикой и одинаковой внутренней формой: в большинстве случаев совпадающие по смыслу фразеологизмы имеют сильно варьирующуюся от языка к языку внутреннюю форму. Подобные предварительные выводы, касающиеся в данном случае фразеосемантического поля с компонентом, означающим фауну, сделаны на материале многочисленных примеров из уральских языков, собранных по словарям и научной литературе.

Литература

Гребнева А.М. Семантические типы мордовских топонимов, образованных в результате прямого осмысления признаков // Актуальные вопросы мордовского языкознания. 1988. - Саранск, 1988. С.101-105.

Жунтова Н.М. Методическое пособие по биологии с использованием фольклора и этнографии коренных народов Западной Сибири. - Мегион, 1996.

Кузнецова А.И. Календарные названия в самодийских языках // Языки и топонимия. - Томск, 1976. С. 46-49.

Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т.1. - М., 1980.

Кузнецова А.И. (а) Типология внутренней формы слова в уральских языках // Проблемы документации исчезающих языков и культур. -Уфа-Томск, 1999. С.123-130.

Кузнецова А.И. (б). Диахроническая информация лингвистического и экстралингвистического характера во фразеологии самодийских языков (на примере селькупского и ненецкого языка) // Diachronie in der synchronen Sprachbeschreibung. Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica. Heft 21.S.69-74. - Hamburg, 1999.

Майер К.-И. Зоонимы как компоненты фразеологических единиц (некоторые параллели русского, венгерского и немецкого языков) // Slavica XXII. Рр. 15-21. -Debrecen.1986.

Молданова Т.А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. - Томск, 1999.

Насибуллин Р.Ш. Некоторые названия флоры в языке закамских удмуртов (материалы) // Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 2. - Ижевск, 1973. С.152-162.

Осипов Б.И. К сопоставительному изучению русской и удмуртской фразеологии // Вестник Удмуртского ун-та, № 7, 1994. С.34-37.

Ракин А.Н. Коми анатомический словарь. - Сыктывкар, 1991.

Ракин А.Н. Антропотопонимическая лексика в пермских языках. - Сыктывкар, 1996.

Симченко Ю.Б., Смоляк А.В., Соколова З.П. Календари народов Сибири // Календарь в культуре народов мира. - М., 1993. С. 201-253.

Соловар В.Н. Фразеологизмы с соматическим компонентом в хантыйском языке // Linguistica Uralica 1999, XXXV, № 4.

Сподина В.И. Методическое пособие по этнографии коренных народов Западной Сибири (ханты). - Мегион, 1995.

Телия 1999 – Фразеология в контексте культуры. Под ред. В.Н. Телия. - М., 1999.

Феоктистов А.П. История мордовской лексикографии // Лексикология современных мордовских языков. Под ред. Д.В. Цыганкина. - Саранск, 1983. С. 238-290.

Ширманкина Р.С. Фразеология // Лексикология современных мордовских языков. Под ред. Д.В. Цыганкина. - Саранск, 1983. С. 211-237.

Шафигов С.Г. Проблемы лексической семантики в свете языковых универсалий. АДД. - Уфа, 1998.